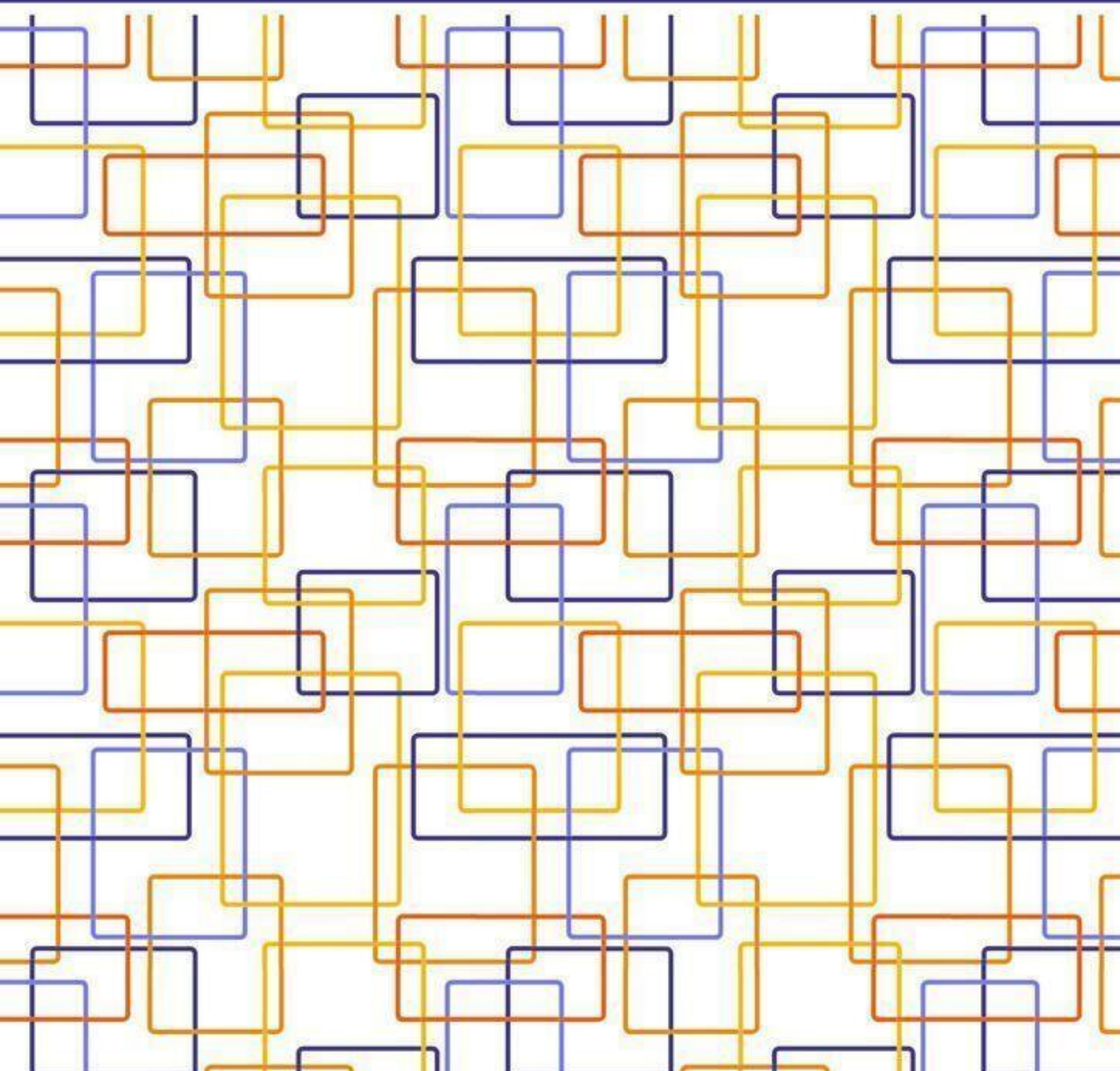
18+

АЛЕКСАНДР ВАРЦЕВ

Тяжелый крест



Александр Варцев

Тяжелый крест

«Издательские решения»

Варцев А.

Тяжелый крест / А. Варцев — «Издательские решения»,

Четыре повести о любви, которая не вписывается в рамки счастья. Некрасов, так и не научившийся любить без боли. Фет, отказавшийся от единственной любви ради имени и денег. Байрон, бежавший от всех, кто его любил. Грибоедов, чья вдова двадцать восемь лет писала письма мёртвому мужу. О том, что любовь — разная, трудная, порой разрушительная — всё-таки остаётся любовью. Даже когда больно. Даже когда поздно.

© Варцев А.
© Издательские решения

Содержание

От автора 6
Тяжелый крест 7
Повесть 7
Часть первая. Мать 8
Часть вторая. Авдотья 11
Часть третья. Крестьянка 13
Часть четвёртая 15
Часть пятая. Зинаида 16
Глава 1. Карточный долг 17
Глава 2. Ученица и помощница 18
Глава 3. Венчание умирающего 19
Глава 4. Последние дни 20
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Тяжелый крест

Александр Варцев

© Александр Варцев, 2026

ISBN 978-5-0071-6473-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Что остаётся после великого поэта? Стихи. Письма. Память. И женщины, которые любили его — каждая по-своему, каждая до конца.

Эта книга — четыре повести о любви, которая не вписывается в рамки счастья.

Николай Некрасов, чьё детство прошло в усадьбе Грешнево, среди жестокости отца и тихой молитвы матери. Он стал голосом народа, но так и не научился любить без боли. Авдотья Панаева — пятнадцать лет страсти, ревности и стихов, которые рождались из муки. Зинаида — женщина, выигранная в карты, ставшая его последней тишиной и законной женой у смертного одра.

Афанасий Фет — незаконнорожденный, лишённый имени и дворянства, всю жизнь возвращавший право называться Шеншиным. Мария Лазич — любовь, от которой он отказался ради денег и положения. Она сгорела заживо, прося спасти его письма. Он женился на другой, писал мёртвой всю жизнь и получил дворянство через сорок лет — но не счастье.

Лорд Байрон — хромой гений, которого любили Мэри Чаворт, Каролина Лэм, Аннабелла Милбэнк, Августа, Тереза Гвиччиоли. Он бежал от всех, не веря, что достоин любви. Его дочь Ада стала первым программистом в истории. Другая дочь, Аллегра, умерла в пять лет в монастыре. Он не приехал даже на её могилу.

Александр Грибоедов — блестящий дипломат и автор одной бессмертной комедии, человек с простреленным пальцем и неутолённой тоской. Екатерина Телешова — любовь, от которой он отказался, испугавшись сплетен. Нина Чавчавадзе — девочка, которой он пообещал жениться, и слово сдержал через шесть лет. Она стала его «чёрной розой Тифлиса», женой, вдовой и вечной невестой. Он погиб в Тегеране, растерзанный толпой, а она прожила двадцать восемь лет в трауре, писала ему письма, которые некуда отправить, и умерла с его именем. На её памятнике высечено: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?»

Это книга о том, что любовь — разная, трудная, порой разрушительная — всё-таки остаётся любовью. О том, что сила не в том, чтобы подчинять, а в том, чтобы любить. Даже когда больно. Даже когда не отвечают. Даже когда поздно.

Тяжелый крест

Повесть

Часть первая. Мать

Усадьба Грешнево стояла на холме, и с её крыльца открывалась равнина — бескрайняя, изрезанная оврагами, перелесками и тонкими нитями проселочных дорог. Здесь, в этом захолустье Ярославской губернии, между Волгой и Мологой, прошло детство Коли Некрасова, и эти пейзажи въелись в его память так глубоко, что спустя десятилетия он мог закрыть глаза и увидеть каждый изгиб реки, каждое дерево на пригорке.

Отец его, Алексей Сергеевич Некрасов, был из тех, кого в России называли «барин». Небогатый, но с амбициями, он дослужился до майора и вышел в отставку, чтобы осесть в родовом имении. В нём было что-то от старой военной кости: он держался прямо, любил порядок, но порядок этот был жестоким и деспотичным. Он требовал подчинения от всего, что его окружало — от крепостных, от жены, от сыновей. Когда он говорил, голос его звучал не как просьба, а как команда, и ему редко перечили.

Мать, Елена Андреевна, была совсем другой. Варшавянка по рождению, она попала в Россию почти случайно — вышла замуж за молодого офицера, который увез её в глухую провинцию. Она писала стихи, читала французские романы, мечтала о Петербурге, о большой жизни. Вместо этого она получила Грешнево — дом с вечно скрипящими половицами, бесконечные дрязги с крепостными, пьяные выходки мужа и тихое, беспросветное одиночество. Единственная её отрада — дети, особенно Коля, в котором она видела что-то своё, что-то тонкое и ранимое.

Дом в Грешневе был старым, с низкими потолками и узкими окнами, но в нём сохранялось что-то от прежнего барского величия. Колонны у входа, пожелтевшие от времени, ещё держали на себе тяжесть фронтона; каменный фундамент порос мхом, а старые липы в саду, посаженные ещё при деде, создавали вокруг усадьбы плотное, зелёное кольцо. Весной сад наполнялся запахом черёмухи, и мать часто брала Колю за руку и вела его туда, в самую густую часть, где дорожки зарастали, а стволы лип были исцарапаны именами влюблённых.

— Смотри, Коля, — говорила она, указывая на корявые буквы, вырезанные когда-то ножом. — Кто-то любил. И оставил след.

Коля смотрел на эти буквы и не понимал, почему у матери на глазах выступают слёзы. Он думал, что она плачет от красоты, и сам начинал чувствовать что-то странное, щемящее. Он ещё не умел называть это чувство, но оно оставалось с ним на всю жизнь.

Отец любил охоту. Всё, что было связано с азартом, риском и властью, притягивало его. Он держал большую свору собак — гончих, борзых, выжлятников — и каждую осень уходил на недели в леса. Возвращался он обычно злой: либо дичь ушла, либо лошадь захромала, либо крепостные не угодили. Тогда дом наполнялся криком, бранью, стуком сапог, звоном разбитой посуды.

Мать забивалась в свою комнату. Там, в углу, у окна, стоял старый аналой с выцветшей иконой. Она опускалась на колени, сжимала руки, и губы её шевелились в беззвучной молитве. Коля не раз подглядывал за ней в щёлку двери. Он видел, как дрожит её спина, как пальцы перебирают чётки, как слёзы катятся по щекам и падают на тёмное дерево.

— Господи, — шептала она, — дай им терпения… Укрепи их души…

Она молилась не только за себя. Она молилась за крепостных, за отца, за Колю. Её сердце было огромным и вмещало всех.

Однажды, когда Коле было восемь, он осмелился войти к ней во время молитвы. Она не обернулась, но взяла его за руку и потянула к себе. Он прижался к её плечу и почувствовал, как сильно бьётся её сердце.

— Мама, почему ты плачешь? — спросил он.

Она долго молчала, потом сказала:

— Потому что мир жесток, Коля. Потому что люди обижают друг друга, и им кажется, что они правы. Но ты… ты будь другим. Ты никогда не обижай слабого. Ты защищай.

Он запомнил это. Запомнил тепло её рук, запах ладана и то, как тихо и ровно она произнесла слова, будто читала их из книги, которую он не мог видеть.

Самые страшные дни начинались, когда отец пил. Это случалось всё чаще с годами. Он запирался в кабинете, выставлял на стол графин с водкой и карты, и сидел до утра. Если ему не везло — а везло ему редко, — он выходил в коридор и начинал искать, на ком сорвать зло. Первыми попадались крепостные. Лакей, который не так подал свечи; конюх, который слишком громко чихнул у конюшни; кухарка, которая не досолила суп. Отец не бил сам — для этого были дворовые, которые исполняли поручения с мрачной покорностью, сами боясь гнева барина.

Коля слышал крики из людской. Он слышал, как падают тела, как кто-то всхлипывает, умоляя о пощаде. Он зажимал уши подушкой, но крики проникали сквозь вату, сквозь стены, сквозь всё.

Мать уходила к себе и снова становилась на колени перед иконой. Но иногда — когда отец был особенно жесток — она выходила в коридор и вставала между ним и жертвой.

— Алексей Сергеевич, — говорила она тихо, но твёрдо. — Остановитесь.

Он смотрел на неё с удивлением и злобой. В такие моменты он терял контроль над собой и мог ударить её. Однажды он ударил так сильно, что она упала на пол. Коля видел это. Он стоял за дверью и видел, как мать поднимается с колен, как на её щеке краснеет след ладони, как она молча поворачивается и уходит в свою комнату.

Коля не мог есть в тот день. Он не мог говорить. Сидел в углу и смотрел в стену. Думал о том, что она — тихая, добрая, слабая — защищает других, а он, мальчишка, ничего не может сделать. И тогда поклялся себе: когда вырастет, станет сильным. Тем, кто заступается.

Мать была для него всем. Она учила его читать, она выбирала ему книги, она показывала ему мир через свои глаза. Рассказывала ему о Польше, о Варшаве, о том, как гуляла по Саксонскому саду и слушала Шопена.

— Когда-нибудь, Коля, ты уедешь отсюда. Ты будешь жить в большом городе. Писать стихи, и люди будут их читать и плакать. Станешь голосом тех, кто не может говорить. Знаешь, кто это?

— Кто, мама?

— Все, кто страдает. Все, кто молчит. Ты будешь их голосом.

Она говорила это, сидя на старой скамье в саду, и голос её дрожал, а глаза смотрели куда-то вдаль. Коля прижимался к ней и слушал. Ему казалось, что если он будет слушать достаточно долго, он запомнит каждое её слово. Он запомнил.

Вечерами, когда отца не было дома, они читали вслух. Она читала ему Пушкина, Лермонтова, Гёте. Иногда она читала свои стихи — те, которые не показывала никому. Они были о любви, о разлуке, о том, как тяжело жить, когда тебя не понимают.

— Это про тебя, — говорила она однажды. — Это про нас с тобой.

Коля слушал и чувствовал, как его душа наполняется светом и болью одновременно. Он не понимал всех слов, но он чувствовал каждое из них.

Матери становилось всё хуже. Болезнь — чахотка, как называли её тогда, — то затихала, то возвращалась с новой силой. Её лицо бледнело, руки становились прозрачными, голос — слабым и хриплым. Она перестала выходить в сад. Почти не вставала с постели.

Коля проводил у неё всё свободное время. Сидел на табурете у кровати, держал её руку и смотрел на неё. Боялся, что, если отведёт взгляд, она исчезнет.

Угасала медленно и мучительно. Иногда кашляла кровью, и Коля убегал за доктором, но тот только разводил руками и говорил, что надежды нет. Отец в такие моменты не подходил — считал, что женские слабости не мужское дело. Запирался в кабинете и не выходил до утра.

Однажды, за несколько дней до её смерти, Коля сидел у её постели и слушал, как она говорит.

— Коля, — сказала она. — Ты будешь жить. Ты будешь сильным. Но запомни: сила не в том, чтобы подчинять. Сила — в том, чтобы любить. Любить, даже когда больно. Любить, даже когда не отвечают.

Она замолчала, потом добавила:

— Женщина — она как земля. Её можно пахать, засевать, мучить. Но она всё равно родит. И если ты не умеешь любить её правильно, хотя бы жалей. Жалость — это тоже любовь.

Он запомнил эти слова на всю жизнь. Много раз возвращался к ним, перебирал их, как чётки, и находил в них утешение.

Она умерла на заре. Солнце ещё не взошло, когда Коля проснулся от тишины. В доме было неестественно тихо. Он встал, подошёл к материнской комнате и заглянул внутрь. Она лежала с закрытыми глазами, руки сложены на груди и уже не дышала.

Подошёл к ней, взял её холодную руку. Поцеловал пальцы, каждый по очереди, и заплакал. Слезы текли тихо, почти неслышно. Он не хотел, чтобы отец заметил его боль.

Ей было тридцать восемь лет.

В тот день дом наполнился людьми: соседи, священник, знакомые. Все говорили о том, какая она была тихая и добрая. Никто не говорил о том, как она страдала. Это осталось тайной между ней и Колей.

Он стоял у её гроба и смотрел на её лицо. Оно было спокойным, молодым. Все морщины исчезли. Выглядела так, будто просто заснула. Коля прошептал:

— Мама, я буду тем, кем ты хотела. Я буду голосом. Я буду защищать. Я обещаю.

Хотя ещё не знал, какую цену придётся заплатить за это обещание.

Отец пережил мать всего на несколько лет. Он так и не смог оправиться от её смерти — не от любви, нет, а оттого, что лишился единственного человека, который сдерживал его гнев. Без неё дом опустел, хозяйство пришло в упадок, и он запил окончательно. Коля почти не видел его в последние годы — они жили в одном доме, но как чужие. Когда Алексей Сергеевич умер в 1862 году, Коля не поехал на похороны. Слишком много было сказано и слишком много не прощено. Он узнал о смерти отца из письма соседа и долго сидел в своей петербургской комнате, глядя в стену. Он не плакал. Он просто чувствовал, что между ними наконец опустело место, которое всегда было занято болью.

Часть вторая. Авдотья

Петербург встретил его ветром — холодным, пронизывающим, пахнущим сыростью и железом. Коля Некрасов приехал сюда в семнадцать лет, бросив гимназию, потеряв связь с отцом и мечтая о литературе. Ему казалось, что столица откроет перед ним все двери. Вместо этого она ударила его в лицо.

Он скитался по дешёвым квартирам, перебивался уроками, строчил водевили для театров и стихи для журналов. Был нищим, голодным, но упрямым. Заставлял себя верить, что всё это временно, что его ждёт слава.

В двадцать пять он уже стал заметной фигурой в литературных кругах. Писал реалистичные очерки о петербургской жизни, редактировал сборники, заводил знакомства с писателями и критиками. Именно тогда, в редакции журнала «Современник», он впервые увидел Авдотью Панаеву.

Она была замужем за другом Некрасова — Иваном Панаевым, литератором, издателем, человеком светским и добрым. Некрасов часто бывал у них в доме, сначала по делам, потом просто так. Ему нравилась та атмосфера — умные разговоры, споры до хрипоты, чай, который разливала она.

Авдотья Яковлевна выделялась среди других. Её карие глаза светились умом, а губы изгибались в лёгкой иронии. Голос — низкий, хрипловатый — завораживал Некрасова. Она читала много, знала три языка и писала рассказы. С ней можно было обсудить любую тему, и она всегда находила, что сказать.

Первое время Некрасов просто смотрел на неё. Он запоминал, как она поправляет шаль, как смеётся, как жестикулирует в споре. Он представлял, как подходит к ней, берёт за руку и говорит что-то важное. Но не решался.

Всё изменилось однажды зимним вечером. Некрасов пришёл к Панаевым поздно, почти в полночь. Иван Григорьевич был в отъезде, но Авдотья не спала — она сидела в гостиной, читала книгу, и при его появлении подняла голову.

— Ты, — сказала она просто.

— Я, — ответил он.

Он сел напротив неё. Они пили чай, молчали, смотрели друг на друга. Он чувствовал, как воздух между ними становится плотным, тяжёлым. Он не знал, что сказать, и потому просто смотрел.

— Ты всегда так смотришь? — спросила она вдруг.

— Как?

— Ты мне как сон.

Он промолчал. Поднялся, подошёл к ней и взял за руку. Она не отстранилась. Они смотрели друг другу в глаза, и в комнате царила такая тишина, что слышно было, как в камине потрескивают угли.

Поцеловал её, и она ответила. Этот поцелуй стал началом пути в бездну, из которой они не могли вырваться пятнадцать лет.

Их любовь вспыхивала внезапно, как пожар. Они встречались тайно, но слухи быстро разлетались по городу. Петербургская литературная среда напоминала сплетенную паутину: все знали обо всем. Муж Авдотьи знал о происходящем, но молчал. Он оставался порядочным человеком, не желая устраивать скандал. Или, может быть, ему было безразлично.

Некрасов мучился ревностью. Ему казалось, что она принадлежит не ему, что она всё ещё жена другого, что она может уйти в любой момент. Он проверял её письма, допрашивал её, устраивал сцены.

— Ты была у него? — спрашивал он, врываясь в её комнату.

— О господи, Коля, — вздыхала она. — Я была в магазине.

— Ты лжёшь.

— Я никогда не лгу тебе.

Она была терпеливой, но у неё тоже были пределы. Она могла встать, надеть пальто и уйти, хлопнув дверью. Он бежал за ней по улице, хватал за рукав, умолял остаться.

— Прости меня, — говорил он. — Я не могу без тебя.

Она останавливалась, смотрела на него и молчала. Потом опять возвращалась.

Так продолжалось пятнадцать лет.

Он писал ей стихи. Сотни стихов. О любви, о разлуке, о тоске, о ревности. Она прятала их в шкатулке, иногда перечитывала и плакала.

«Мы с тобой бестолковые люди, — писал он однажды. — Что минута, то вспышка. Что день, то пропасть. Я ревную тебя даже к теням на стене. Ненавижу себя за это. Но без тебя — не могу».

Она ответила коротко: «Я тоже не могу».

В их любви было больше боли, чем счастья. Но именно эта боль казалась им настоящей. Они путали страсть с любовью, но они были слишком молоды, чтобы это понять.

Однажды, после особенно тяжёлой ссоры, она сказала ему:

— Ты не любишь меня, ты любишь мои страдания. Тебе больно — и ты счастлив. Мне больно — и ты умираешь. Где же тут любовь?

Он не мог найти слов. Не знал, что сказать.

И всё-таки они были вместе. Они издавали журнал вместе — она была его редактором, его музой, его опорой. Он не мог писать без неё, и она знала это. Они жили в одной квартире, работали за одним столом, засыпали в одной постели. Иногда она говорила:

— Коля, я устала.

— От чего?

— От тебя. От нас. От этой бесконечной борьбы.

Он сжимал зубы и молчал. Знал, что она права, но не мог её отпустить.

Когда их роман подошёл к концу — не резко, не со скандалом, а просто потому, что они выдохлись, — он уехал в деревню. Он не мог оставаться в Петербурге, где каждая улица напоминала о ней. Продал квартиру, собрал рукописи и уехал в Грешнево, туда, где прошло его детство.

В вагоне поезда он смотрел на мокрые поля, на серое небо, на станции, мелькающие за окном. Думал о том, как много потерял, сколько лет потратил на эту любовь, и что у него осталось.

Только рукописи. Только стихи. Только память.

Часть третья. Крестьянка

Грешнево встретило его сыростью и запахом прелой листвы. Дом выглядел почти нетронутым, но казался меньше, чем в детстве. Старые липы в саду разрослись, дорожки заросли травой, и только колодец у крыльца напоминал о тех днях, когда он бегал босиком по двору.

Он поселился в той же комнате, где когда-то сидела его мать. Повесил на стену её портрет и каждое утро смотрел на него, прежде чем начать работать. Начал писать поэму. О народе. О женщинах. О тех, кто страдает молча.

Каждое утро выходил на крыльцо и смотрел на поля. Они были пустыми, серыми, влажными. На горизонте темнел лес, в котором когда-то прятался от отца. Ничего не изменилось. Или изменилось всё.

В деревне он познакомился с Матрёной. Она была молодой, но лицо её было в морщинах — ранних, глубоких, как трещины на старой глине. Она работала с утра до ночи: таскала тяжелые вёдра, кормила скотину, мыла полы, утешала детей. Муж её был на барщине, свекровь пилила, жизни своей она не помнила.

Некрасов часто видел её у колодца. Она шла медленно, согнувшись под тяжестью вёдер, и не поднимала глаз. Ему казалось, что она — сама земля. Истая, выпаханная, но всё ещё живая.

Однажды он остановил её.

— Посиди, отдохни, — сказал он.

Она удивилась. Села на траву. Он сел рядом.

— Замуж выходила по любви? — спросил он.

Она усмехнулась. Горько, со злом.

— По какой любви, барин? Красивый был, весёлый. Сватался — согласилась. А потом… сами знаете.

Она замолчала. Потом посмотрела ему прямо в глаза — дерзко, вызывающе:

— А вы, барин, любили кого?

Он вздрогнул. Она, простая крестьянка, спросила его о самом главном. Он не знал, что ответить. Про Авдотью — стыдно. Про мать — больно.

— Любил, — сказал он тихо. — Только не умел.

— Надо уметь, — сказала она просто. — Любовь не про то, чтобы не спать ночами. Любовь — это когда человеку легче от того, что ты рядом. Я своему мужу хоть и не прощаю, а легче от меня ему. Вот и любовь.

Он записал этот разговор. Перечитывал его много раз и каждый раз находил в нём что-то новое. Эта женщина — неграмотная, уставшая, раздавленная жизнью — была сильнее его. Она любила не для себя. Любила, чтобы другому было легче.

Думал о матери. Она была как он — любила без условий. Прощала отца, молилась за крепостных, принимала боль как данность. А он был слаб. Требовал, искал ответы, мучился сам и мучил других.

Он хотел научиться любви, как она. Не умел, но старался.

Зимой нашёл старую книгу о жёнах декабристов. Она лежала в библиотеке, забытая, покрытая пылью. Перечитал её за ночь. О том, как одиннадцать знатных женщин бросили всё и уехали в Сибирь за мужьями. О том, как они выживали в холоде, в нужде, в нищете. Как не сдались.

Его мать тоже была готова на всё. Но отец не дал ей вырваться. А эти — вырвались. Они шли за любовью, и любовь вела их.

Он продолжал писать поэму. Слова рождались сами собой, как из глубины:

«Пленительные образы! Едва ли
В истории какой-нибудь страны
Вы что-нибудь прекраснее встречали…»

Он писал о матери, об Авдотье и о Матрёне. Разные женщины, но в каждой жила любовь, которой ему так не доставало — любовь-жертва.

Писал долго, тщательно выверял каждое слово, переписывал, вычёркивал целые главы. Не спал, не ел, терял счёт времени. Ощущал, что это самое важное дело в его жизни.

Когда закончил, пошёл в церковь. Это была старая деревянная церковь, стоявшая на краю села. Он вошёл внутрь, и его охватил запах ладана, воска, старого дерева. Он поставил свечу перед иконой Божьей Матери.

— Прости, мама, — прошептал он. — Я понял. Любовь — это когда ты отдаёшь, а не берёшь.

Он стоял в тишине, и ему казалось, что она отвечает ему. Что она видит его. Что она одобряет.

Вернувшись в Петербург, прочитал поэму друзьям. Они молчали. Потом кто-то заплакал. Он смотрел на них и понимал, что это — не его заслуга. Это — их. Матери, Авдотьи, Матрёны. Это они научили его говорить. Он был только голосом.

Поэма была напечатана. Она стала событием. О ней говорили, её переписывали, её учили наизусть. Он стал известным, но это не имело значения.

Часть четвёртая

В последние годы жизни Некрасов писал много. Он уже не мог остановиться. Стихи рождались у него сами собой, как дыхание. Он писал о России, о судьбе, о любви, о смерти. Он знал, что болен — чахотка, та же, что убила его мать, подбиралась к нему. Но он не хотел останавливаться.

Он жил в Петербурге, в маленькой квартире на Литейном. Туда приходили друзья, молодые поэты, поклонники. Они спорили до утра, пили чай, читали стихи. Он слушал их и улыбался. Ему было важно знать, что его дело продолжится.

Вернулся к Авдотье спустя годы. Она постарела, поседела, но всё ещё оставалась прекрасной. Мы сидели в её уютной гостиной, пили чай и вели лёгкие беседы. Мы не говорили о прошлом, ведь это было слишком тяжело.

— Ты хорошо пожил, Коля, — сказала она.

— Не знаю, — ответил он. — Я много страдал.

— Это потому, что ты умел любить. Это не каждому дано.

Он посмотрел на неё. Она улыбнулась. Это была та же улыбка, что и пятнадцать лет назад. Он взял её руку и поцеловал.

Умер в пятьдесят семь лет. В своём кабинете, на Литейном, там, где прошли его последние годы. На столе лежала рукопись последней поэмы, ещё не дописанная до конца. И рядом — пожелтевшее письмо от Авдотьи, которое он хранил тридцать лет, так и не решившись перечитать его вновь.

Она писала: «Ты был у меня один. Прощай».

Но в тот час, когда дыхание становилось всё тише, рядом с ним была не только бумага. Была та, кого он сам привёл в этот дом семь лет назад — и кто стала его тишиной и покоем. О ней почти никто не знал, и те, кто пришёл прощаться на следующий день, видели только остывшее тело поэта. Но истина была в том, что последние минуты он провёл не в одиночестве.

На похороны пришли многие. Друзья, коллеги, крестьяне из соседних деревень. Они стояли молча. Одна женщина в тёмном платке — Матрёна — перекрестилась и сказала тихо:

— Хоронил он нас. Теперь мы его хороним. Он нас любил. По-своему. Но любил.

Вечером, когда все разошлись, на могилу опустилась тишина. И над ней, как обещание, зажглась первая весенняя звезда.

Но не все покинули это место. У старой липы, под которой когда-то любил сидеть Некрасов с книгой, остался пожилой человек в поношенном сюртуке. Его звали Василий Петрович. Он много лет работал в редакции «Современника» и знал поэта с тех пор, как тот только начинал свой путь. Василий Петрович не плакал, он молча смотрел на могилу, а затем обернулся к женщине рядом и тихо сказал:

— Вы думаете, мы всё о нём знаем? Нет. У него была ещё одна история. Самая тихая. Она пришла за семь лет до его смерти. И она осталась с ним до самого конца. Он никому о ней не рассказывал, но я видел…

И он начал рассказывать.

Часть пятая. Зинаида

Глава 1. Карточный долг

Петербург, 1870 год. Февраль. В душном клубе на Морской пахло табаком, дорогим вином и потом. Некрасов сидел за зелёным сукном и смотрел на карты с той холодной сосредоточенностью, которая пугала партнёров. В эту ночь ему везло. Он выигрывал уже третью партию подряд, и банк напротив него заметно похудел.

Напротив сидел купец Лыткин — тучный, краснолицый, с масляными глазами. Он был из тех, кто не умеет проигрывать достойно. Когда Некрасов взял очередной банк и спокойно забрал выигрыш, Лыткин побагровел.

— Что, Николай Алексеевич, сегодня бог на вашей стороне? — процедил он сквозь зубы.

— Не бог, — усмехнулся Некрасов. — Арифметика.

Он уже хотел встать, но Лыткин схватил его за рукав:

— Постойте, барин. У меня больше нет денег. Но есть кое-что другое.

— Что же?

Лыткин щёлкнул пальцами. Из соседней комнаты вышла девушка — худая, бледная, с большими испуганными глазами. Она была одета просто, в серое платье, и держалась скованно, будто боялась каждого звука.

— Вот, — сказал Лыткин. — Фёкла. Молодая, ручная. Немного глуповата, но это поправимо. Забирайте. В счёт моего проигрыша. Я отдаю её вам, вы прощаете мне долг.

Некрасов посмотрел на девушку. Она дрожала. Глаза её были полны ужаса — она явно понимала, о чём идёт речь. Она не была красивой в том смысле, в каком он привык видеть женщин. Она была затравленной. Как мать в последние годы. Как крепостные, которых бил отец.

Он мог отказаться. Мог потребовать деньги, даже если их не было, или просто уйти, оставив Лыткина в должниках. Но он видел её страх — и в этом страхе было что-то родное. Что-то, что напоминало ему о комнате с иконой, о молитвах матери, о тихих слезах.

— Хорошо, — сказал он. — Я забираю её. Долг прощён.

Лыткин облегчённо выдохнул. Некрасов подошёл к девушке. Она не поднимала глаз.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Фёкла, барин, — прошептала она.

— Больше не Фёкла, — сказал он. — Теперь ты будешь Зинаидой. Зинаидой Николаевной. Ты поняла?

Она подняла глаза. В них мелькнуло удивление. И благодарность.

— Поняла, — тихо ответила она.

Он взял её за руку и вывел из клуба.

Глава 2. Ученица и помощница

Прошло несколько лет. Зинаида жила в квартире Некрасова на Литейном. Она больше не дрожала. Она научилась читать и писать, говорила по-французски — правда, с ошибками, но с упорством. Она играла на фортепиано, хотя пальцы её были ещё грубыми, негибкими.

Некрасов сидел напротив неё за столом, держал книгу и слушал, как она читает вслух. Она спотыкалась, краснела, но не сдавалась.

— Нет, — говорил он спокойно, — не «аблака», а «облака». Попробуй ещё раз.

Она пробовала. С каждым разом у неё получалось лучше.

Он смотрел на неё и вспоминал мать. Та тоже учила его. Только там было тепло и нежность. А здесь — терпение и медленный рост. Он не кричал на неё, не требовал, не ревновал. Он ждал.

Однажды, когда она прочитала целую страницу без ошибок, он улыбнулся.

— Молодец, — сказал он. — Ты умнее, чем я думал.

Она покраснела до корней волос.

— Это вы меня научили, Николай Алексеевич.

— Нет, — возразил он. — Это ты сама. Я только открыл дверь. Ты вошла.

Зинаида стала его правой рукой. Он учил её корректуре, и вскоре она уже правила его рукописи с удивительной тщательностью. Она не просто жила с ним — она помогала ему работать. Он посвятил ей поэму «Дедушка» и несколько стихотворений из сборника «Последние песни». Ему казалось, что она — его последняя надежда на тишину.

Она посмотрела на него с благодарностью. В её глазах не было страха. Только что-то тёплое, тихое. Он понял, что эта девушка стала для него больше, чем ученицей. Она стала его тишиной. Его покоем. Женой без венца — в те годы это называли гражданским браком, но для них это был просто союз душ.

Глава 3. Венчание умирающего

Наступил 1877 год. Болезнь Некрасова — рак кишечника, как определили врачи, — обострилась до предела. Он почти не вставал, худел с каждым днём, голос его становился всё слабее. Но дух его не сдавался. Он знал, что конец близок, и однажды, когда Зинаида сидела у его постели, он взял её за руку.

— Зина, — сказал он. — Я хочу, чтобы ты стала моей женой перед Богом.

Она заплакала.

— Ты слишком слаб, Коля.

— Это не имеет значения. Я хочу, чтобы мы были соединены навечно. Я хочу, чтобы ты была законной вдовой, чтобы никто не мог оспорить твоё право быть моей.

Она не спорила. Она знала, что это его последняя воля.

Но начались трудности. Они обратились к священникам — один за другим отказывались проводить обряд на дому. Церковные уставы прямо запрещали венчание вне храма. Каждый боялся неприятностей, каждый ссылался на правила.

Некрасов слабел, а время уходило. Тогда на помощь пришёл друг поэта — известный юрист Алексей Унковский. Он отправился к самому митрополиту Исидору, просил, умолял. Но митрополит, сославшись на те же правила, отказал.

Унковский не сдался. Он знал, что есть одна лазейка — военное духовенство. У них были походные церкви-палатки, и они могли служить там, где находились войска. Он договорился со священником Санкт-Петербургского Адмиралтейского собора святого Спиридона Тримифунтского — отцом Михаилом Васильевичем Кутневичем.

Это был риск. Огромный риск. Но отец Михаил согласился.

И 4 апреля 1877 года, в большом столовом зале квартиры Некрасова на Литейном проспекте, состоялось венчание. Некрасов был так слаб, что не мог стоять. Его поддерживали под руки. Он почти не видел свечей, почти не слышал слов, но он чувствовал — она рядом. Он слышал её дыхание, её шёпот.

Трижды их обвели вокруг аналоя. Он шатался, но держался. Он не хотел упасть. Не перед ней. Не перед Богом.

Отец Михаил получил за свой риск вознаграждение — пятьсот рублей. Для него это были большие деньги, но для Некрасова это была ничтожная плата за то, чтобы его последняя любовь стала его законной женой.

Когда обряд закончился, Некрасов обессиленно опустился в кресло. Зинаида — уже Зинаида Николаевна Некрасова — взяла его руку и приложила к своей щеке.

— Ты моя жена, — прошептал он. — Навечно.

— Навечно, — ответила она.

Она вышла на улицу, когда уже стемнело. Над городом зажглись звёзды. Она посмотрела на небо и прошептала:

— Спасибо тебе, Коля. Ты был моим крестом. Но ты был и моим спасением.

Глава 4. Последние дни

После венчания Некрасов прожил ещё несколько месяцев. Он почти не вставал, но продолжал работать. Он диктовал Зинаиде стихи, она записывала, правила, переписывала набело. Она стала его голосом, его руками, его глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.